

Большие заботы

ЮСИФА

ЗЕЙНАЛОВА

ОРЕСТ МАЛЫЦЕВ

По улицам Кировабада, осененным трехсотлетними чинарами, медленно едет светло-желтый мотоцикл с высоким самодельным ветровым стеклом. Сидящий на нем человек внимательно смотрит по сторонам. Над гладким, едва тронутым морщинами лбом хохолком вьются черные волосы, усики скобочкой лежат на верхней губе, подчеркивая смуглость лица; улыбка добрая и открытая. Идущие навстречу обмениваются с ним приветствиями, смотрят вслед. Депутат!..

Зейналов Юсиф Абузар оглы, тридцатилетний бригадир экскаваторщиков, уже третий год — депутат городского Совета. К нему не нужно записываться на прием. Его запросто можно остановить на улице, можно найти на стройке, можно постучать поздним вечером в дверь его квартиры.

Он из тех демобилизованных воинов, которые считают, что работа на новостройках семилетки — продолжение их службы родине. Вернувшись в Азербайджан, Юсиф не остался в родном Степанакерте, среди безмятежно тихих Шушинских гор, а поехал в Кировабад, возле которого тогда, в 1955 году, еще только разбивали строительную площадку и полкубовый экскаватор «Э-505» рыл котлованы под фундаменты первых жилых домов будущего рабочего поселка.

Каждое утро у Юсифа начинается с двойной заботы: что ему нужно сделать как депутату и что — как бригадиру.

У него под началом двенадцать экскаваторщиков. Слово одна семья, работают азербайджанцы, армяне и русский паренек Володя Ефтиев, помощник крановщика, заочно оканчивающий десятилетку. Бригадир всегда найдет способ выжать из мощной

техники решительно все, на что только она способна. Например, прикрепил Зейналов к задней стенке экскаваторного ковша металлический щит — увеличил его емкость, и все в бригаде стали наполнять самосвал в три приема, а не в четыре, как прежде. Или так. Попался твердый грунт, ковш не брал его. Добавили спереди и по бокам пять зубьев, усилили ковш — и дело пошло.

...Едет мотоцикл. Сворачивает в переулочек. В узкий и кривой. Этой зимой Юсиф, кажется, еще ни разу не был здесь. Мотоцикл останавливается перед огромной лужей. Шедший впереди грузовик, объезжая ее, задел молодое тутовое дерево у тротуара и ободрал с него кору. Глаза у Юсифа сердито сощурились.

— Ты что же, не мог поаккуратнее? — говорит он шоферу.

А тот в ответ:

— Я уже сидел в этой проклятой луже. Еще раз сесть не хочу. И куда начальство городское смотрит!

Молчит Юсиф. Упрек относится и к нему. И вот он идет в комиссию по благоустройству города. Там его выслушали и согласились: да, есть еще ямы и ухабы на мостовых, остались после прокладки газопровода, их нужно заровнять. Но как быть? У горсовета недостает на это денег.

— Тогда разрешите мне позаботиться, — предложил Юсиф.

Наступило воскресенье. И жители переулочка с радостным и одобрительным удивлением увидели, как самосвал высыпает в болото гравий. Вел грузовик один из друзей Юсифа. А сам он, сидя за штурвалом своего экскаватора, нагружал в это время гравием с речки Гянджачай второй самосвал, водитель которого также охотно согласился помочь депутату в хорошем деле.

Все, что депутат в силах сделать, он должен сделать — вот правило Юсифа.

Однажды приметный для всех мотоцикл остановился у входа в рабочую столовую. Юсиф вошел, сел за стол, заказал обед. Начал есть, поморщился. Разве так готовит его жена? И почему, собственно, в столовой должно быть хуже, чем дома? Юсиф спросил заведующего:

— Вы где питаетесь?

— Дома.

— Почему же не у себя в столовой?

Заведующий кисло усмехнулся, словно ему предложили напиток из лужи. Ясно стало Юсифу, что равнодушен этот человек и к своему делу и к людям, а значит — не место ему в столовой. И добился того, чтобы сняли заведующего с работы. Теперь, когда обеды стали лучше, рабочие на стройке часто добрым словом поминают Юсифа.

Хорош зеленый Кировабад. И подстать ему ра-

Чабан Хасан Артиков доволен. Ему есть о чем рапортовать XXII съезду КПСС. Десять тысяч первосортных каракулевых шкур продает в этом году государству совхоз «Дангара».

стет рабочий поселок, состоящий из четырехэтажных домов, светлых и опрятных, с просторными дворами-лужайками — привольем для детей. Он так велик и так сросся с городом, что сразу не поймешь: тесный ли город, с плоскими крышами низких домиков и великолепным, вновь застроенным центром, старается перетащить его к себе через широкое каменистое русло Гянджачая, или, наоборот, быстро растущий рабочий поселок стремится вобрать в себя Кировабад. Но тут и там возникают всякие проблемы, а у депутатов прибавляется забот.

Юсиф готов с каждым новичком подняться на могучую зубчатую вершину, опирающуюся на скалистые плечи хребта Мровдага, и с гордостью показать оттуда на широкие дали, на сказанной красоты озеро Гек-Гель, в котором, как в зеркале, отражаются отвесные склоны, заросшие грабом и букком, и на широкую долину, где посреди древних виноградников неподалеку от мавзолея Низами сооружается завод. Ведь здесь впервые в мировой практике будет осуществляться в огромных печах таинственный процесс обжига и восстановления алунита. Алунит... Слово-то какое! В нем чувствуется что-то поэтическое. «Лунный камень», — говорят о нем в народе.

И новичок узнает от Юсифа, что в горах Малого Кавказа, возле селения Заглик, есть алунитовая гора. Давным-давно люди находили у ее подножия на старых кострищах, с которых ветром сдувало пепел, обожженные камни с белыми и зеленоватыми прожилками, кислые на вкус. Квасцы! Приложишь их к ранке — кровь перестает сочиться. А в средние века приходили сюда, в историческую Гянджу, с Востока индийские караваны, с Запада итальянские купцы, приходили за новым для них товаром — алунитовым камнем.

Только у нас и в Китае найдены подобные залежи. И наши китайские друзья приезжают в Кировабад поучиться на опытном заводе, как наиболее экономно можно перерабатывать алунитовую руду, чтобы получить из нее глинозем и алюминий, серную кислоту и сульфат калия, поваренную соль.

Вот то, чем живет Юсиф-строитель и что волнует его не только как бригадира экскаваторщиков, но и как депутата горсовета. Ведь вся жизнь кировабадцев, их настоящее и будущее во многом зависит от Алюминийстроя. Растет завод — растет и город. Растет, улучшается, благоустраивается. Не хватает воды... Но строители уже заложили две линии труб, по которым из Куры побежит вода — кубометр в секунду! И Зейналов с радостью сообщил однажды в горсовете о том, что город будет получать из этого водопровода по шестнадцати тысяч кубометров воды в сутки. Меняется облик широкой межгорной равнины — меняются быт и

Эту маленькую девочку-таджичку зовут Дильбар Валамат-заде. Она — лучшая ученица Сталинабадской детской музыкальной школы.

В несколько строк

ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА В ДЕЛИ

В ноябре этого года в Дели открывается индийская промышленная ярмарка, павильоны ее раскинутся на площади в 155 акров. Представитель выставочного комитета сообщил, что согласие участвовать в ярмарке дали уже 200 индийских фирм и 21 страна мира, в том числе Советский Союз, США, Англия и Западная Германия.

Экспонаты павильона Советского Союза, который будет одним из крупнейших на ярмарке, расскажут о выдающихся достижениях советского народа в развитии экономики и культуры.

НАСЕЛЕНИЕ НИГЕРИИ

В мае будущего года в Нигерии будет проведена общая перепись населения. Некоторые эксперты считают, что население Нигерии достигает сейчас около 45 миллионов жителей, в то время как по данным переписи 1952/53 года оно составляло лишь 35 миллионов.

судьба ее жителей. Люди, привыкшие к мелким ремеслам, к садоводству и виноградарству, приобщаются к промышленному труду. Дети, что бегают сегодня в школу, знают теперь, какую приобрести специальность, чтобы потом работать на заводе. А иные уже собираются поступить в ФЗУ и в ремесленные училища, которые, конечно же, будут здесь созданы.

Юсиф любит музыку. В его двухкомнатной квартире, которую трудолюбивая жена обильно украсила цветными вышивками, висит на видном месте кеманча. С ней Юсиф не расстается с детства — он окончил музыкальную школу. С кеманчей обычно он выходит на праздничную демонстрацию, берет ее с собою и на прогулку к голубому озеру Гек-Гель.

И там, сидя субботним вечером на поляне у искрометного костра, или утром, всматриваясь с лодки в прозрачную воду, Юсиф задумчиво трогает струны. Он играет или восточную рапсодию «Эйрати», или что-нибудь из «мугамов» — классических азербайджанских напевов.

И когда играет, то в шелесте листьев, позлащенных жарким отблеском костра, и в плеске воды под веслом ему всегда чудится смех его крохотных дочек, Зияфет и Шукифы, счастливый смех всех кировабадских детей. Для них он готовит своей неустанной работой широкий путь к светлым вершинам будущего.